

УДК 159.9.01

ШВАЛЬ Ю. М.

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

ЛОГІКО-ПСИХОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ РОЗВИТКУ КАТЕГОРІЇ ДІЯЛЬНОСТІ

У статті представлена аналітична реконструкція логіки становлення діяльнісного підходу у сучасній психології, показані його вихідні, парадигмальні підстави і виниклі у результаті трансформації, які задали нове бачення самої проблематики діяльності. Підкреслюється, що становлення індивіда як суб'єкта діяльності визначається формуванням у нього необхідного набору здатностей, знань й умінь для самостійного відтворення і побудови визначеного виду діяльності чи форми культури. Теоретико-методологічні розробки категорії діяльності безпосередньо породили нову практику і технологію роботи, що у практичному плані утілилось у розробці й упровадженні організаційно-діяльнісних ігор, а у теоретичному плані – у розробці низки нових моделей діяльності.

Ключові слова: методологія, діяльнісний підхід, мислєдіяльність, ситуація, свідомість, життя, життєдіяльність, мислекомунікація, рефлексія, цілепокладання.

Постановка проблеми. Категорія діяльності являється однією з базових для сучасної психології, котра, по різних версіях, виступає в якості або основного предмета психологічних досліджень, або ведучим пояснювальним принципом. «Сучасний діяльнісний підхід максимально розширює сферу пояснюваних психічних явищ і стає цілісною загальнопсихологічною системою пояснювальних принципів і основних» [7, с. 221]. Іменно тому дослідження логіко-психологічних основ розвитку категорії діяльності представляє інтерес для сучасної психологічної науки.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Теоретико-методологічні проблеми психології викликають постійний науковий інтерес академічних психологів. Наприклад, С. В. Маланов аналізує психологічні положення і пояснювальні основи діяльнісного підходу [7]. Фундатор української школи генетичної психології С. Д. Максименко розглядає потребу як базальне стан, яке визначає можливість індивіда бути суб'єктом, реалізуючим потребу в певній діяльності [6]. Представительницею цієї ж школи – Н. А. Евдокимова розглядає категорію діяльності як авторське втілення творчих культур, суспільства, цивілізації [4]. Сучасні дослідження, приведені нами, акцентують увагу на актуальності дослідження категорії діяльності з точки зору її розвитку.

Изложение основного материала исследования. Категорія діяльності «пришла» в пси-

хологію з німецької класическої філософії, де, зокрема у Г. В. Ф. Гегеля [2], вона виступала формою трансформації і реалізації Духа і свідомості. Принципово важливо те, що діяльність в цьому контексті завжди розглядалась як предметна діяльність, а в деяких випадках ще більш жорстко і визначено – як предметно-практична діяльність. При цьому утверджується, що безпредметних діяльностей взагалі не буває. Іменно в цьому значенні в психології, особливо в теорії діяльності А. Н. Леонтьєва [5], діяльність розглядається як соціокультурна форма організації власне людського поведіння, як інстанція породження індивідуального свідомості і особистості.

На методологічному рівні діяльність описується як надіндивідуальний продуктивний процес, розгортаючийся через триаду *Ціль – Засіб – Результат*, де психічне (свідомість) виступає внутрішнім механізмом її здійснення. Надіндивідуальний характер діяльності означає, що кожен окремий індивід не винаходить діяльності, а стикається з ними як з об'єктивною соціокультурною реальністю.

Очевидно, що в цій логіці виникає питання: звідки з'являються самі діяльності, якщо вони «не винаходяться» індивідами? Відповідь пропонується через введення особливої категорії «практики» (в марксистській концепції – *общественной практики*), де за рахунок рефлексивних і мислительних процедур виділяються і фіксуються **норми** побудови і здійснення конкретних діяльностей¹. Зафіксовані

¹ Само поняття норми трактується в надзвичайно широких межах, але в діяльнісних підходах переважає два розуміння норми: або як фіксованого способу дії, або як фіксованої схеми організації діяльності. Для нашого аналізу в даному випадку ці відмінності не мають принципового значення, тому зараз ми не будемо зупинятися на їх аналізі.

в текстах нормы отчуждаются от непосредственной практики и образуют особое пространство социальной жизни – **Культуру** – из которого они потом могут опять браться для воспроизведения или построения деятельностей. Таким образом, выстраивается трехуровневая конструкция: общественная практика – культурные нормы – конкретные деятельности. В системно-деятельностной методологии эта генетическая модель несколько упрощается² и в качестве исходной модели предлагается схема двусторонней взаимосвязи культуры и деятельности. Г. П. Щедровицкий [10] в предельной форме это фиксирует в схеме (см. рис 1).

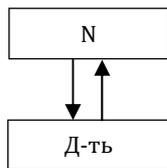

Рис. 1. Схема взаимосвязи норм культуры и деятельностей

Для того чтобы такая система функционировала, реальные, живые индивиды должны включаться в процессы их осуществления и осваивать принципы и способы их построения и реализации. В результате такого освоения у индивида, с одной стороны, формируются соответствующие психические, психологические и личностные способности (свойства) и, с другой стороны, он становится Субъектом деятельности. Становление индивида как субъекта деятельности определяется формированием у него необходимого набора способностей (свойств и качеств), знаний и умений для самостоятельного воспроизведения и построения определенного вида деятельности или формы культуры. Формирование при этом описывается как особая искусственная процедура **оспособления** индивида, которая противопоставляется естественному процессу созревания и проявления врожденных способностей и индивидуально-психологических свойств.

Таким образом, выстраивая модель механизмов формирования соответствующих способностей вводятся категории «трансляция» и «воспроизведение», утверждая, что ни культура, ни деятельность не могут непосредственно «передаваться» индивиду. Необходимость в межпоколенной трансляции и постоянном вос-

произведении норм культуры и форм деятельности порождает особый социальный институт – систему образования. Именно поэтому во всех вариантах теорий деятельности уделяется такое большое внимание проблемам обучения и воспитания. Наличие механизмов трансляции фиксируется в особой схеме (см. рис 2.).

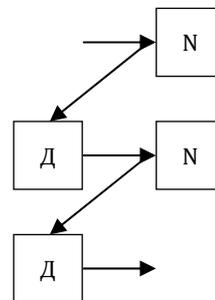

Рис. 2. Схема трансляции культуры и деятельности

Эта схема дает большие интерпретативные возможности, но для нас сейчас важен только один аспект: трансляция и развитие культуры всегда опосредованы формами деятельности, а становление типов деятельностей опосредовано формами культуры. Нам представляется, что различия между культурно-историческим подходом Л. С. Выготского и деятельностным подходом А. Н. Леонтьева заключаются именно в интерпретациях механизмов опосредования в связке культура/деятельность.

Дальнейшая методологическая развертка категории деятельности была связана с признанием того факта, что любая деятельность осуществляется только за счет реальных усилий реальных индивидов и, поэтому, их надо было как-то зафиксировать в схемах деятельности. Но такой шаг явно противоречил бы исходному тезису о надындивидуальной природе деятельности. Для решения этой проблемы была разработана концепция системного строения деятельности, то есть деятельность стала рассматриваться как система функциональных мест, которые и занимают реальные индивиды. Эти функциональные места получили терминологическое закрепление в понятии «позиция» и на схемах стали фиксироваться в виде иконки человечка, а целостная деятельность стала изображаться в виде объемлющего процесса (см. рис. 3).

В соответствии с этой схемой каждый отдельный индивид выполняет некоторую цело-

² Такого рода редукция является весьма распространенной и допустимой техникой методологического мышления. Так, например, М Фуко рассматривает прямую связь практик и деятельностей, а П. Бурдьё вводит понятие «хабитуса» для установления прямой связи между социальными деятельностями и распространением норм культуры.

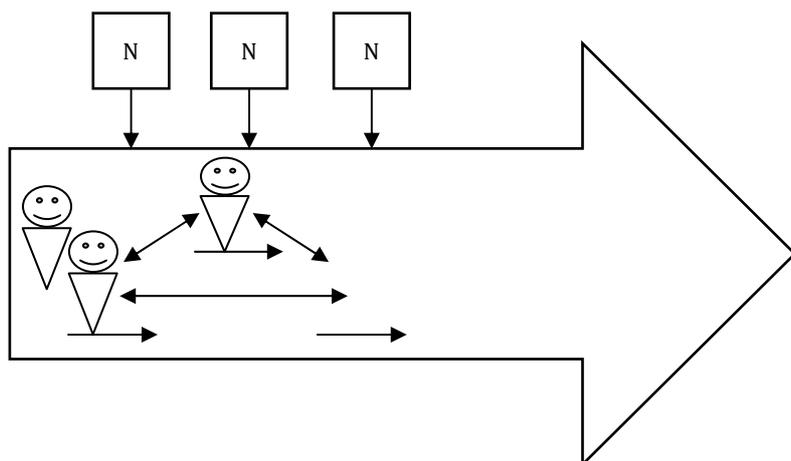

Рис. 3. Схема позиционной организации процесса деятельности

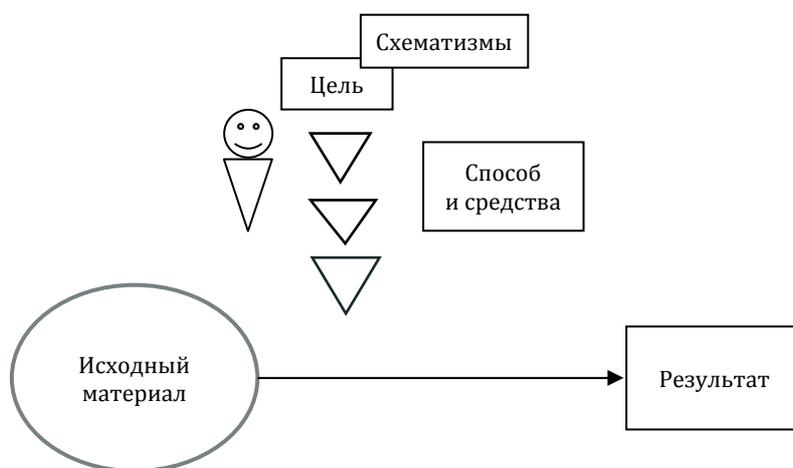

Рис. 4. Схема организации акта мыследеятельности

стную функциональную часть деятельности, которая фиксируется понятием «акт деятельности». Кроме того, в структуру деятельности, как ее обязательный компонент, вводятся взаимные связи между позиционерами, их взаимодействие³.

Принципиально то, что теперь, при описании акта деятельности, мы обязаны фиксировать не просто абстрактную триаду «цель-средство-результат», а действующего индивида, наделенного сознанием⁴. Этот ход позволяет перейти от философско-логического анализа деятельности к конкретно методологическому анализу социальных видов деятельности и, что самое важное, индивидуальных деятельностей. Целостный акт индивидуальной деятельности теперь описывается как мыследеятельность. Функциональную систему – систему мыследеятельности – образуют: индивид как субъект дей-

ствия, его сознание (мышление), зафиксированное в цели действия, средства и способы действия, фиксированные как в предметности, так и в когнитивных схемах, и предмет (материал) действия, который подлежит преобразованию в результат (продукт) (см. рис. 4).

Фактически эта схема (независимо от способа ее артикуляции) стала базовой для проведения огромного количества исследований психологической структуры деятельностей. Здесь нельзя не назвать исследования А. Н. Леонтьева по соотношению мотива и цели, П. Я. Гальперина по внутреннему плану действия [2], Д. Б. Эльконина по психологическому строению детской игры [12], В. В. Давыдова [3] и В. В. Репкина по психологической структуре учебной деятельности [8] и т. д. Но мы сейчас не будем останавливаться на их анализе, а вернемся к дальнейшим методологическим разработкам.

Такая «индивидуализация» деятельности явно входила в противоречие с тезисом о ее исходной коллективности и, что тоже очень важно, терялся механизм изменения и развития как самой деятельности, так и индивида. Решение этих противоречий находилось на пути создания организационных форм и моделей коллективной (групповой) мыследеятельности. В практическом плане⁵ это выразилось в разработке и внедрении организационно-деятельностных игр (ОДИ), а в теоретическом плане – в разработке целого ряда новых моделей деятельности. В первую очередь, речь идет о разработке структурной модели мыследеятельности [12], которая изображалась в виде трехслойного конструкта (см. рис. 5).

Нижний слой фиксирует рутинный, привычный, стандартизованный уровень выполнения действий, где деятельность свернута и рудиментарна, а мышление присутствует в снятых и ограниченных формах. Этот слой получил название «мыследействие» (и обозначается пропис-

³ Показательно, что в методологии психологии такую же схему анализа ввел А. Н. Леонтьев. Рассматривая механизмы порождения деятельности и сознания он утверждает, что любая деятельность исходно существует только как коллективно-распределенная, что собственно, и детерминирует возникновение индивидуального сознания, с его последующей дифференцировкой на значения, смыслы и чувственную ткань.

⁴ В. Лефевр предложил фиксировать сознательного индивида на схемах в виде иконки человечка с «доской сознания».

⁵ Наверное, это уникальная ситуация, когда теоретико-методологические разработки непосредственно породили новую практику и технологию работы.

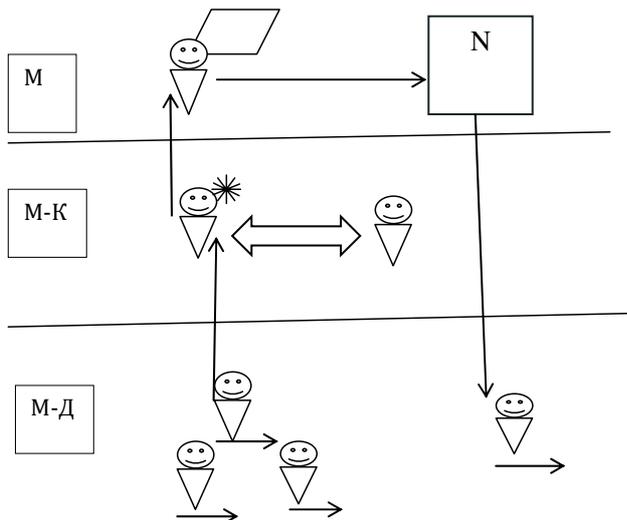

Рис. 5. Структурная модель мыследеятельности

ными буквами м-д) и в нем возникают реальные затруднения или проблемы, которые и выступают движущей силой развертывания новых процессов. Средний слой фиксировал ситуацию коммуникации по поводу возникших затруднений. Этот слой получил название «мыслекоммуникация» (и обозначается заглавными буквами М-К) и только в нем возникают новые смыслы, которые переформулируются индивидом в новые идеи. Верхний слой фиксирует особую культурную и конструктивную проработку возникших смыслов и идей. Этот слой получил название «чистое мышление» (и обозначается заглавной буквой М) и в нем возникают новые культурные продукты, которые задают нормы или образцы построения и осуществления новых действий в нижнем слое – слое м-д. Вся эта конструкция связывается в единое целое («прошивается») системой рефлексивных остановок и выходов, которые, собственно, и обеспечивают индивидуальное продвижение от одного слоя мыследеятельности к другому.

Эта модель оказалась невероятно продуктивной и эвристичной, и она фактически открыла целый ряд новых направлений методологических, теоретических и экспериментальных разработок. Укажем только на три из них, которые, по нашему мнению имеют непосредственное отношение к заявленной теме.

Во-первых, это интерпретация данной модели как схемы шага развития. Утверждается, что прохождение полного цикла от проблематизации наличной практики к мышлению и от него к построению новой практики и является реальным шагом развития. Причем, развития индивида, самой деятельности и культуры.

Во-вторых, это принципиальное различие мышления и рефлексии, где мышление рассмат-

ривается как конструктивная и порождающая способность сознания, а рефлексия – как механизм проблематизации и понимания.

В-третьих, это введение понятия ситуации, в которой, собственно и возникают затруднения, необходимость разрешения которых активирует и рефлексивную и мышление.

Нам представляется, что именно введение понятия ситуации стало той поворотной точкой, в которой изменились сами основания исследования деятельности. Дело в том, что ситуация всегда находится не внутри деятельности, а во вне. Иными словами, понятие ситуации не выводится из понятия деятельности и вообще лежит за рамками деятельностной категориальной сетки. Тем не менее, в системомыследеятельностном подходе (СМД-подходе) чрезвычайно активно начинается методологическая проработка понятия ситуации. Разрабатываются специальные инструменты анализа и описания ситуаций, и ставится принципиальный вопрос о возможности управления изменением ситуации.

Проблема заключается в том, что в научно-философской традиции деятельность в культурно-исторической парадигме всегда рассматривалась как искусственно создаваемый конструкт, а ситуация всегда рассматривалась в естественно-научной парадигме, как нечто стихийно возникающее и изменяющееся по своим внутренним законам. Поэтому до начала 70-х гг. XX в. считалось, что деятельности «конструируются, осваиваются и управляются», а ситуации «возникают», их надо «предвидеть и прогнозировать» и к ним надо «адаптироваться». В СМД-подходе это противоречие решалось за счет жесткой методологической проработки понятий Искусственное и Естественное (в противопоставлении искусственных и естественных процессов и систем) и введения особых «кентаврических» искусственно-естественных (И-Е) и естественно-искусственных (Е-И) систем. Ситуация и рассматривается как такой кентаврический объект, где сочетаются деятельностные и стихийные компоненты.

Понятие ситуации оказалось необходимым для внедрения в методологию и теорию деятельности идеи проектирования как особой формы целеполагания, как способа «вбрасывания» желаемого будущего в настоящее. Для этого понятие ситуации накладывалось на временную ось, где фиксировался разрыв между прогнозируемым будущим, как следствием естественно-стихийного развертывания самой ситуации и проектом желаемого будущего. Точка разрыва «заполнялась» специальными интеллекту-

альными действиями (проектирование, программирование, планирование), а позиция индивида в этой точке определялась как функции организации, руководства и управления (ОРУ). Иными словами, выстраивалась конструкция управления изменениями в ситуациях, которая обязательно предполагала рефлексивную оставку ситуации и выход в проектное мышление⁶. Эта модель была зафиксирована в знаменитой схеме «велосипеда» (см. рис. 6).

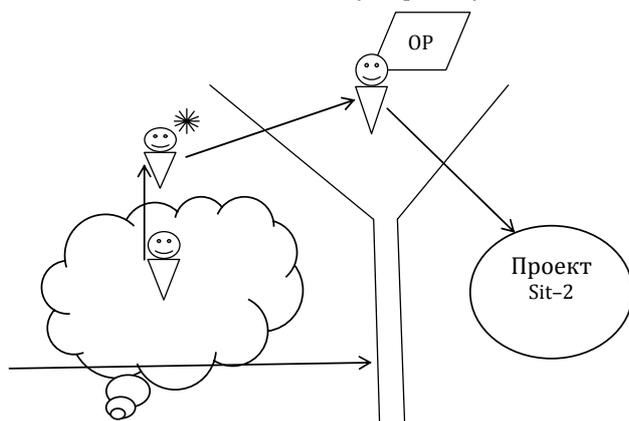

Рис. 6. Базовая схема акта проектирования

Как бы это парадоксально ни прозвучало, но именно через эту схему в методологию деятельностного подхода «влезла» Жизнь. В ходе многочисленных ОДИ вдруг оказалось, что нельзя обсуждать ситуацию «вообще» или «у всех», а можно обсуждать только «мою» (свою) ситуацию. Нельзя говорить «все знают, что...» или «все думают, что», а можно говорить только от своего собственного «Я». Нельзя проектировать «для других», а можно только «для себя». Нельзя сконструировать новую ситуацию, наподобие инженерного проекта, а можно только начать по-новому, проектно, Жить⁷.

На этом мы остановимся в анализе методологии деятельности, так как идея Жизни туда «влезла», но никакого дальнейшего развития не получила, а иные направления методологических разработок нас в данном контексте не интересуют.

Выводы.

Логика развития деятельностного подхода привела к необходимости разработки понятия ситуации, которое, как оказалось, не может быть построено в исходной парадигмальной связке Культура/Деятельность.

Внутри самого деятельностного подхода начали складываться и оформляться представления о возможности и необходимости построения принципиально иной плоскости анализа, где деятельность присутствует только как частный случай иных процессов и отношений. У А. Н. Леонтьева возникает связка «образ Мир-жизнедеятельность», у Х. Ортеги-и-Гассета противопоставление «жизни деятельной и жизни созерцательной», у С. Л. Рубинштейна – через связку Мир//Мир Человека и т. д.

Все более становится очевидным, что для современной психологии основной парадигмальной связкой оказывается отношение Человек//Мир, а основной категориальной парой – Сознание//Жизнь. Отсюда выводятся и основные понятия современной психологии: образ жизни; стиль жизни; жизненный опыт; жизненный путь; жизненные перспективы; жизненные смыслы и смысл жизни.

В этом новом контексте понятие жизнедеятельности становится тем логико-психологическим инструментом, который позволяет удерживать процессуальность и субъектность человеческой жизни в этом мире.

Список использованной литературы

1. Гальперин П. Я. Введение в психологию / П. Я. Гальперин. — М., Изд-во МГУ, 1976. — 159 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. — в 3-х т. — М., «Мысль», 1970. — 211 с.
3. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования / В. В. Давыдов. — М. : Педагогика, 1986. — 240 с.
4. Євдокимова Н. О. Психологічні засади формування суб'єкта правничої діяльності у вищому навчальному закладі: монографія / Н. О. Євдокимова. — Миколаїв: Іліон, 2011. — 420 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.
6. Максименко С. Д. Психологічні механізми зародження, становлення та здійснення особистості / С. Д. Максименко, В. В. Клименко, А. В. Толстоухов. — К. : Вид-во Європейського університету, 2010. — 152 с.
7. Маланов С. В. Методологические и теоретические основы психологии: учеб. пособие / С. В. Маланов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2012. — 408 с.
8. Репкин В. В. Развивающее обучение: теория и практика / В. В. Репкин, Н. В. Репкина. — Томск: «Пеленг», 1977. — 288 с.
9. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. — М. : Шк. культ. политики, 1977. — 656 с.

⁶ Если сравнить схемы на рис. 5 и 6, то обнаружится, что за ними стоит одна и та же модель, только во втором случае свернут, «скрыт» акт коммуникации и коллективной мыследеятельности.

⁷ При жестком методологическом запрете на психологизацию, который ввел на ОДИ Г. П. Щедровицкий, это вызвало буквально шквал внутриличностных конфликтов и проблем, с которыми далеко не все участники игр смогли справиться.

10. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание / Г. П. Щедровицкий // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. — М., 1987. — 318 с.
11. Эльконин Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин. — 2-ое изд. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДЖОС, 1999. — 360 с.

Spysok vykorystanyh dzherel

1. Gal'perin P. Ya. Vvedenie v psihologiyu / P. Ya. Gal'perin. — М., Izd-vo MGU, 1976. — 159 s.
2. Gegel' G. V. F. Nauka logiki / G. V. F. Gegel'. — v 3-h t. — М., «Mysl'», 1970. — 211 s.
3. Davydov V. V. Problemy razvivayushchego obucheniya: Opyt teoreticheskogo i ehksperimental'nogo psihologicheskogo issledovaniya / V. V. Davydov. — М. : Pedagogika, 1986. — 240 s.
4. Evdokimova N. O. Psihologichni zasady formuvannya sub'ekta pravnohoi diyal'nosti u vishchomu navchal'nomu zakladi: monografiya / N. O. Evdokimova. — Mikolaiv: Ilion, 2011. — 420 s.
5. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' / A. N. Leont'ev. — М. : Politizdat, 1975. — 304 s.

6. Maksimenko S. D. Psihologichni mekhanizmi zarodzhennya, stanovlennya ta zdziysnennya osobistosti / S. D. Maksimenko, V. V. Klimenko, A. V. Tolstouhov. — К. : Vid-vo Evropejs'kogo universitetu, 2010. — 152 s.
7. Malanov S. V. Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy psihologii: ucheb. posobie / S. V. Malanov. — 2-e izd., pererab. i dop. — М. : MPSU; Voronezh: MODEHK, 2012. — 408 s.
8. Repkin V. V. Razvivayushchee obuchenie: teoriya i praktika / V. V. Repkin, N. V. Repkina. — Tomsk: «Peleng», 1977. — 288 s.
9. Shchedrovickij G. P. Filosofiya. Nauka. Metodologiya / G. P. Shchedrovickij. — М. : Shk. kul't. politiki — 1977. — 656 s.
10. Shchedrovickij G. P. Skhema mysledeyatelnosti — sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i sodержanie / G. P. Shchedrovickij // Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik. — М., 1987. — 318 s.
11. Ehl'konin D. B. Psihologiya igry / D. B. Ehl'konin. — 2-e izd. — М. : Gumanit. izd. centr VLADZHOS, 1999. — 360 s.

ШВАЛБ Ю. М.

ЛОГИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлена аналитическая реконструкция логики становления деятельностного подхода в современной психологии, показаны его исходные, парадигмальные основания и возникшие в результате трансформации, которые задали новое видение самой проблематики деятельности. Подчеркивается, что становление индивида как субъекта деятельности определяется формированием у него необходимого набора способностей, знаний и умений для самостоятельного воспроизведения и построения определенно-го вида деятельности или формы культуры. Теоретические разработки категории деятельности непосредственно породили новую практику и технологию работы, в практическом плане воплотилось в разработке и внедрении организационно-деятельностных игр, а в теоретическом плане – в разработке ряда новых моделей деятельности.

Ключевые слова: методология, деятельностный подход, мыследеятельность, ситуация, сознание, жизнь, жизнедеятельность, мислекомуникация, рефлексия, целеполагание.

SCHWALB J. M.

LOGIC OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF CATEGORIES OF ACTIVITIES

The paper presents an analytical reconstruction of the logic of becoming active approach in modern psychology, showing its source, and the paradigmatic base resulting from the transformation that specifies a new vision of the most problematic activity. It is emphasized that the formation of the individual as a subject of activity is determined by the formation of the required set of capabilities, knowledge and skills for independent play and build a certain type of activity or form of culture. Theoretical and methodological development of categories of activities directly gave rise to new practices and technology to work in practical terms utilylos in the development and implementation of organizational activity-games, and in theoretical terms – in developing a number of new patterns of activity. The attention that it introduced the concept of the situation was that turning point, which changed the same grounds research activities. The concept of situation is seen as fundamental to the idea of design as a special form of goal-setting. In this context, the concept of life acts so logical and psychological tool to keep the procedural and subjectivity of life in the world.

Keywords: methodology, activity-based approach, mental activity, situation awareness, life, life- activity, mysle-komunikatsiya, reflection, goal-setting.

Стаття надійшла до редколегії 15 вересня 2014 року